

И телеграмма, и «Заметки» Столыпина, и, по моем возвращении, мои рассказы возбудили у Льва Николаевича большой интерес к моему поступку и к моему реферату.

— Надо прочесть, надо прочесть, что он такое там написал! — говорил он, ласково улыбаясь.

Подкупленный выражавшимся Львом Николаевичем интересом и этими словами, я имел неосторожность принести реферат и вручить его Л. Н-чу для прочтения; грешный человек, я приложил еще к реферату, копию длинного письма к матери с описанием моего чтения студентам.

На следующее утро Лев Николаевич вернул мне все эти материалы.

— Все хорошо, все хорошо! — произнес он при этом, но как-то на ходу и не глядя мне в глаза.

Это показалось мне подозрительным, и, действительно, потом я узнал, что в один из этих двух дней Лев Николаевич записал в своем дневнике:

«Приехал милый Булгаков. Прочел реферат, и тщеславие уже ковыряет его».

Как известно, иконография Толстого чрезвычайно обширна. По этому поводу мне не раз приходилось слышать упреки по адресу Толстого, который-де любил позировать перед художниками и фотографами.

В конце концов, я не знаю, «любил» это Лев Николаевич, или «не любил». Но один раз я видел его сожалевающим, что предполагавшийся кинематографический снимок не удался.

Это было при возвращении из Кочетов, имения Татьяны Львовны, в Ясную Поляну. Лев Николаевич, Татьяна Львовна, Чертков, Д. П. Маковицкий, я